

Лорд Фэрчайлд не из числа таких дураков. Возможно, он далеко не гений, но Лювин уже признал в молодом человеке уникальный талант.

И на то имелась веская причина.

Мейстер Винтерфелла был изрядно удивлен, выяснив, что Фэрчайлд сковал собственную цепь в некой «докторской степени», став после этого архимейстером, поскольку титул «профессор» переводился как архимейстер, а не мейстер. И, прежде чем стать Охотником, он занимал должность младшего специалиста — лектора, как он сам себя называл.

То есть, в свои юные годы, — Фэрчайлд выглядел моложе тридцати лет, — он успел и цепь выковать, и рыцарем стать. Редкий тип людей, совмещающий разно-полярные способности.

— Это удивительная страна, мейстер. — Выдохнул через некоторое время лорд Фэрчайлд, произнося титул с непривычным для Лювина почтением. — Жаль, что здесь так мало книг о Первых Людах и их вере.

В голосе молодого лорда звучала почти тоска... Лювин разделял это чувство.

— Поклонение Старым Богам долгое время было устной традицией. Первые Люди вырезали свои руны на чардревах, поэтому большая часть их истории была утеряна. Книги в значительной степени являются изобретением андалов. Фактически, ни один текст, относящийся к Первым Людам, не существовал до переселения андалов.

— И с ними пришла Вера Семи; монотеистическая вера в семиликого бога.

— Семеро, что есть Один. — Лювин сохранил рассудительность и нейтральный тон. Он знал слишком много хороших людей, чтобы плохо отзываться о Вере. — Цитадель определила, что миграция произошла в диапазоне от шести до четырёх тысяч лет назад. Такой разброс из-за того, что слишком сильно разнится информация в разных источниках. Говорят, что Хугор с Холма, верховному королю Андалоса, сами Семеро обещали королевство к западу от Узкого Моря.

Его гость выгнул бровь.

— И эта массовая миграция не имела никакого отношения к основанию Валирийского фригольда и его последующей экспансии в западный Эссос?

Лювин рассмеялся. Как лорд, Сирил Фэрчайлд тщательно подбирал слова, демонстрируя спокойный нрав пожилого человека. Как ученый, он был до откровенного дерзок.

— Вовсе нет. Большинство записей утверждает, что андалы вторглись в Вестерос только после того, как с их миссионерами плохо обошлись. Но поскольку большинство записей были

сделаны самими андалами...

Лорд Фэрчайлд угостился еще одним орехом.

— Вынужден предупредить: ваши слова похожи на богохульство, мейстер Лювин.

Лювин улыбнулся и пожал плечами.

— Что плохого в лёгком богохульстве, звучащем среди учёных и друзей?

Молодой человек тихо и безрадостно рассмеялся.

— Воистину, вера, никогда не испытанная на прочность — материя хрупкая, и изменчивая.

Эти слова показались Лювину странными.

— Вы благочестивый человек, лорд Фэрчайлд?

Сирил Фэрчайлд взял паузу. Засахаренный орех упал обратно в миску, так и не съеденный.

— В некотором роде, мейстер Лювин. Церковь Божья имеет много общего с вашей Верой Семи.
— Его голос звучал глубоко и созерцательно; в библиотеке внезапно потемнело, а ветер снаружи утих, словно не решаясь затмевать слова Охотника. — Вы должны осознать, что Церковь пронизывала каждый аспект жизни на Великих Островах, и её влияние не ослабевало со временем. Наши священники служили и септонами, и мейстерами. После того, как Эпоха Тумана* уничтожила безымянные королевства древности, именно Церковь сохранила письменность. Большинство престижных университетов современной эпохи берут свое начало от Церкви.

Молодой лорд посмотрел мимо мейстера, как бы заново переживая воспоминания.

— Мне кажется, что это было очень давно, но я до сих пор помню, как отец водил нашу семью на службу в День Господень. Я помню звон колокольной во время свадьбы моего брата, утреннее солнце, освещающее старый собор, и пряный вкус вина, используемый для причастия. Но Ярнам умеет омрачать самые светлые воспоминания и обращать в кошмары самые добрые сны.

Лювин отложил перо в сторону, потеряв всякий интерес к своей работе.

— Лорд Старк вкратце рассказал о нем. Город, известный своим искусством целительства?

— Известен, как никто другой. Но у всего есть своя цена, мейстер. Даже на Великих Островах,

Ярнам был уединенной страной со странными обычаями, людьми и, мягко говоря, неконфессиональной верой. И он также был известен как город, где человек, пусть даже смертельно больной, мог отворотить смерть. Попасть в Ярнам — это гарантия того, что ты увидишь восход солнца.

Охотник снова постучал по столу, разнося глухой звук по комнате.

— К сожалению, город страдал от огромных чудовищ, которых не было больше нигде на континенте. Речь не о стае бродячих волков, которых можно сдержать крепкими воротами и мощными стенами: Ярнам был построен на месте разрушенных лабиринтов старого Птумеру, древнего народа, прямыми потомками которого считается семья Иветты.

Охотник поднялся со своего места, плавным движением обогнув стол. Лювин услышал скрип дерева, когда рука опустилась на его стул.

— Не попытаетесь ли угадать, где самые страшные чудовища обрели свой дом?

— О боги...

Охотник кивнул.

— На закате, канализация и акведуки нижнего Ярнама оживали в самом худшем смысле этого слова. Монстры охотились на людей, а Охотники — на монстров. Не в шутку было дано название — Ночь Охоты.

Лювин почувствовал, как участился его пульс. Он понял, что услышал уже много больше, чем надеялся выведать у молодого, но весьма осторожного лорда.

— Я отправился в Ярнам, будучи подготовленным к этой суровой реальности. Я считал, что умереть в битве с чудовищами — лучшая перспектива, чем прозябать в неизвестности, передавая смерть и болезни друзьям и семье. Представьте себе мой ужас, когда я прибыл в Ярнам и обнаружил, что он охвачен чумой, которая смирила и укротила легендарный город целителей.

У Лювина пересохло в горле.

— Сколько человек погибло?

Охотник не ответил, и мейстер пожалел, что задал весьма бестактный вопрос. Молодой человек вернулся на свое место и глубоко опустил в кресло.

— Я никогда особо не молился. Не больше, чем обычный человек, ни до болезни, ни после. Но

я молился в те первые Ночи Охоты, молился, пока не привык к тишине. Я молился и после этого. В конце концов, я забыл, о чем молился.

Охотник закончил свой рассказ, и лишь спустя дюжину ударов сердца Лювин нашел в себе мужество встать и принести маленький кувшин воды. Он поставил перед гостем грубую деревянную чашку.

— Вы считаете своего Бога жестоким, из-за его молчания?

Лицо молодого человека исказилось от язвительного веселья.

— Если бы люди перестали верить, когда молитвы остаются без ответа, в мире осталось бы мало верующих, мейстер. Зачем людям нужна была бы вера, если бы боги ходили по земле и исполняли желания, подобно джиннам? — Охотник отпил из своей чаши. — Нет, я пришел в город добровольно. Там я стал свидетелем величайших пороков человечества, в основном жадности и высокомерия, и был вынужден задуматься о том, насколько действительно боги ответственны за человеческие горести, и достойно ли человечество того, чтобы быть услышанным своим творцом.

Лювин отошел к окну, избегая взгляда молодого лорда. Кризис убеждений — это не кризис веры. Что бы ни беспокоило Фэрчайлда, Лювин сомневался, что сможет ему помочь.

— Север привык к трудностям, милорд. Несмотря на то, что могут сказать вам септоны, смерть не чужда ни этим землям, ни их людям, — Лювин с гордостью причислял себя к ним, — нередко старики добровольно принимают смерть, чтобы молодые могли жить. Одни проклинают за это богов, другие — нет. Старые боги населяют скалы и реки, саму землю. Но не они создали этот мир и людей, живущих в нем. Мы молимся Старым Богам, прося совета, ибо они старше и мудрее нас. Но они не обязаны исполнять наши молитвы или даже давать ответа. Мы благодарим, когда они отвечают, но и молчание их переживем.

Мейстер почувствовал себя едва ли не трусом, ведь его слова — это и не согласие, и ни опровержение мнения Сирила Фэрчайлда. Однако он предложил свою точку зрения и молился, чтобы молодой лорд нашёл с его помощью собственный ответ и обрёл покой.

Охотник присоединился к мейстеру Лювину у окна.

— Я не тот юноша, что вошел в Ярнам годы назад... часть меня хочет почтить его память. При всех его страхах и недостатках, у того глупца была вера и любовь семьи.

Возбужденные крики и лязг стали внезапно нарушили тишину. Похоже, молодой Брандон отработывал свой полуденный обед в тренировочном дворе и собрал немало народу. Шум жизни внизу вызвал улыбку у молодого лорда.

— Хотелось бы верить, что именно этот молодой человек, а не Охотник, которым он стал, покори́л сердце Иветты.

Примечание переводчика

Ссылка на мой Бусты - <https://boosty.to/fess>

Там всегда на 10 глав больше, ниже цены, есть эксклюзивы.

Приятного чтения и, Чести вам и Удачи.

<http://tl.rulate.ru/book/91537/3189349>